

„На днѣ“ М. Горькаго.

Нов. Дня сообщаютъ содержаніе новой пьесы М. Горькаго „На днѣ“:

„Въ новой пьесѣ Горькаго „На днѣ“, пишутъ онѣ, изображающей съ захватывающей силою и правдою жизнь „ночлежки“, выводится цѣлая галерея „бывшихъ людей“, опустившихся до „дна“ общества и увязшихъ въ его тинѣ. Тутъ баронъ, у котораго были предки вельможи и кареты съ гербами, философъ Сатинъ, когда-то много читавшій; актеръ, знавшій сладость аплодисментовъ; вывихнутый изъ трудовой колеи слесарь Клещъ; воръ Пепель, буйная голова; „дѣвица“ Настя, которая при своей профессіи сохранила всю трогательную наивность души. Дни проводитъ она за чтеніемъ чувствительныхъ романовъ, какой то „Роковой любви“, поливаетъ затрепанные странички книги горячими слезами и изъ обрывковъ этихъ грошовыхъ романовъ создаетъ собственный фантастическій романъ и вѣритъ въ его реальность, только имъ и живетъ. И въ каждомъ изъ нихъ, казалось-бы—уже совсѣмъ стершихся, обезличенныхъ „дномъ“, Горькій умѣетъ, ничуть не впадая въ сантиментальность, подслушать звуки живой, мятущейся, тянущейся къ какой-то неясной мечтѣ души. Эти жанровыя фигуры получаютъ у него всю полноту психологическаго содержанія. И въ этомъ—главный и громадный интересъ его новой пьесы, которымъ она сразу, съ первыхъ отрывочныхъ сценъ, властно захватываетъ, затягиваетъ.

И, чтобы полнѣе вскрыть эту жизнь идеальнаго начала даже въ отребьѣ человѣка, Горькій вводитъ въ ночлежку старика Луку, бродягу, который вѣритъ, что „для лучшаго люди то живутъ“, у котораго—напряженная любовь къ человѣку. У него—неоформленная сознаниемъ, но живая и живучая вѣра, что надо каждому дать хоть иллюзію, хоть прекрасный обманъ, „подрумянить душу“,—и онѣ этимъ обманомъ подымаетъ себя. И то, какъ безхитростныя, но полныя вѣры въ человѣка рѣчи Луки отражаются на населеніи ночлежки, какъ онѣ будятъ въ немъ „мечты“ и однихъ еще глубже замыкаютъ въ себя, другихъ, уже вывихнутыхъ изъ жизни, вывихиваютъ и изъ колеи ночлежки,—это взаимодействіе Луки и остального ночлежнаго міра составляетъ истинную, внутреннюю фабулу пьесы, полную глубокаго трагизма.

Внѣшнюю фабулу пьесы, играющую въ ней лишь второстепенную роль, хотя и развитую съ большою силою, составляетъ „романъ“ вора Пепла съ женой содержателя ночлежки Костылева, Василисой и сестрой ея Наташей. Василиса, у которой—мертвая душа, грубая натура, опостылѣла Пеплу. Его тянетъ къ другому, особенно съ тѣхъ поръ, какъ зазвучали въ ночлежкѣ рѣчи Луки,—и онѣ тянется, какъ былинка къ солнцу, къ Наташѣ. Съ ней онѣ спасется со дна. Любовь обновляетъ и ихъ, героевъ дна, открываетъ свѣтъ замотавшейся, одичалой душѣ. Но Василиса крѣпко держится за молодого парня, нещадными побоями вымѣщаетъ на сестрѣ за охлажденіе Васьки Пепла, затѣмъ втягиваетъ его въ драку съ мужемъ. И Пепель убиваетъ въ дракѣ Костылева, а вмѣстѣ убиваетъ и вѣру въ него въ избитой до полусмерти Наташѣ, только что, съ усиленіемъ сбросившій съ себя подозрительность и взглянувшей на ближняго глазами довѣрія, и пропадаетъ безъ вѣсти.

Актеръ, стубленный водкой и подъ вліяніемъ словъ Луки мечтающій о какомъ-то городѣ, гдѣ лечатъ и вылечиваютъ пьяницъ, вѣщается. „Лука“—говоритъ баронъ,—„старая дрожжа, проквасилъ сожителей“. „Поманилъ куда то, а самъ дорогу не сказалъ“,—прибавляетъ озлобленный Клещъ. И только философъ Сатинъ защищаетъ память о старикѣ Лукѣ. „Онѣ вралъ, но это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми, — говоритъ онѣ. — Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... Я знаю, я читалъ... Красиво, возбуждающе, вдохновенно лгутъ! Что такое правда? Человѣкъ—вотъ правда!“ И онѣ, въ другомъ мѣстѣ пьесы возвращаясь къ той-же основной темѣ, прибавляетъ: „Что такое человѣкъ? Это не мы, не я, не они... Нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ. Это—огромно! Въ этомъ всѣ начала и концы... Все въ человѣкѣ, все для человѣка!“

Въ этой передачѣ содержанія пьесы М. Горькаго не все вѣрно; главная же ошибка ея въ томъ, что Сатинъ отнюдь не защищаетъ старика Луку, но является его самымъ рѣшительнымъ, сознательнымъ противникомъ, вооружаясь съ своимъ монологѣмъ противъ его красивой лжи...